

Дороги любви

Иветта – «старая дева» 26 лет от роду, не вписывается в современную жизнь. Шефство над районным домом ребенка принесло ей знакомство с малышкой Катюней. Сможет ли маленькая девочка помочь молодой докторше найти любовь? («Веткино счастье»).

Оксана – серая мышка. На работе она незаменима, а личной жизни просто нет. Однажды Ксюша решает: все, хватит! Пора менять себя и свою жизнь... («Яичница на утюге»).

Мама с детства внушала Насте, что счастливых браков не бывает. А Настя мечтала о семье, любящем муже, о детях. На одном из тренингов девушка создает коллаж-визуализацию. И он начинает работать... («Коллаж желаний»).

Также в сборник вошли другие рассказы автора.

ЛИЛЯ ПОДГАЙСКАЯ

Дороги
♡ любви

Лиля Подгайская

Дороги любви

Рассказы

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Коваленко В.В., 2020

© DepositPhotos.com / luckybusiness, обложка, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7730-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Оксана — сіра мишка. На роботі всі на ній їздять, а особистого життя просто немає. Останньою краплиною стає жорстокий розіграш колег. І Ксюша вирішує: усе, досить. Час змінювати себе і своє життя... («Яєчня на прасці»)

Мама змалечку навіювала Насті, що чоловік у житті жінки — тільки тимчасовий тягар, а щасливих шлюбів не буває. Однак вірити в це дівчина не хотіла. Вона мріяла про сім'ю, чоловіка, що кохає, про дітей. На одному з тренінгів Настя створює колаж, візуалізацію «Сонячного побачення». І він починає працювати... («Колаж бажань»)

Також до збірки вміщено інші оповідання авторки.

Подгайская Л.

П44 Дороги любви : рассказы / Лиля Подгайская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-7463-1

Оксана — серая мышка. На работе все на ней ездят, а личной жизни просто нет. Последней каплей становится жестокий розыгрыш коллег. И Ксюша решает: все, хватит. Пора менять себя и свою жизнь... («Яичница на утюге»)

Мама с детства внушала Насте, что мужчина в жизни женщины — только временная обуза, а счастливых браков не бывает. Но верить в это девушка не хотела. Она мечтала о семье, любящем муже, о детях. На одном из тренингов Настя создает коллаж, визуализацию «Солнечного свидания». И он начинает работать... («Коллаж желаний»)

Также в сборник вошли другие рассказы автора.

УДК 821.161.1(477)

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Новогодний фейерверк

1

Анжелика Викторовна, строгая деловая женщина, работающая в городской администрации, невесело смотрела в окно. Собственно говоря, видеть там было особенно нечего. Двор как двор, с самовольно возведенными гаражами, машинами и снующими туда-сюда людьми. Сегодня движение во дворе было по-праздничному бойким. Оно и понятно — через несколько часов пробьет полночь и наступит Новый год. А ей, Лике, завтра ровно в шесть вечера стукнет сорок лет. Подумать только! И куда жизнь ушла?

Во дворе не стихала суета. Люди так любят этот праздник и становятся на удивление деятельными в его преддверии. Даже самые ленивые проявляют активность. Анжелика усмехнулась — вот только она что-то из общей суеты выпадает. Сегодня ей ничего не хочется делать, хотя раньше она тоже в такие вот предпраздничные хлопоты включалась с энтузиазмом. Старееет, наверное. Она вздохнула и ненадолго отошла от окна. Нужно было проверить, готово ли сложное овощное рагу, которое она надумала сделать к праздничному столу как основное блюдо. Рецепт был новый, еще не апробированный, и что получится на выходе, пока неясно. Но и судить будет, кроме нее, некому, а она постарается быть снисходительной к своему новому кулинарному творению.

Вернулась к окну скоро. Уже давно стемнело, и ребятню загнали домой. Но суеты во дворе не поубавилось. И в дальнем конце его просторной территории, на пригорке за гаражами уже маячили мужские фигуры — кто-то готовился запускать фейерверк.

Это зрелище почему-то всегда привлекало внимание женщины и очень ей нравилось. Она готова была часами смотреть на яркие букеты разноцветных огоньков, вздымающиеся в темное небо. И никогда это зрелище не надоедало ей. И ее ни капельки не раздражали громкие звуки залпов, сопровождающие это волшебное действие.

Вот ее соседка по тамбуру, Ираида Максимовна, всегда недовольно ворчала по этому поводу и загодя готовила беруши. Она жаловалась, что после этой праздничной канонады у нее болит голова, стоит звон в ушах и всю ночь мельтешат огоньки перед глазами. Но, честно говоря, Лика ее не понимала. Никто ведь не тянул ее силой к окну. В ее большой трехкомнатной квартире вполне можно уйти в гостиную, окна которой выходят на другую сторону, и плотно закрыть за собой дверь. И громкость звука заметно поубавится.

Однако соседка упорно торчала в кухне, без конца выглядывая в окно, и без умолку ворчала. И машин во дворе много, и люди без конца снуют, и от детворы покоя нет — все визжат, съезжая с горки на этих своих тарелках. Безобразие какое-то! Форменное безобразие!

Вначале, переехав на эту квартиру, Лика попыталась завязать добрососедские отношения со старой одинокой женщиной. Однако быстро поняла, что из этих намерений ничего хорошего не выйдет. Ираида Максимовна принадлежала к той категории людей, которые всегда и всем недовольны.

Похоронив мужа, небольшого, но устойчиво стоявшего на ногах начальника, она осталась жить одна в трех комнатах, которые были ей, по сути, вовсе ни к чему. Платил за эту квартиру ее сын, он же каждую неделю затаривал матери холодильник под завязку и еще время от времени привозил помощницу, которая старательно наводила порядок в запущенной квартире. Слов нет, старой женщине делать генеральную уборку было уже не под силу. Но зачем ей одной такие хоромы, Лика понять не могла. «Я не в силах покинуть квартиру, где витает дух моего дорогого Николашеньки», — заявила ей соседка на заре их знакомства. И все время плакалась, что с такой пенсией, как у нее, остается только сложить руки на груди и умереть. Одним словом, добрососедских отношений не получилось.

А вот Лика фейерверки любила всегда, с самого детства. Но особенно дороги они стали ей после той зимы в девятом классе, когда Тош под вспышки и шум яркого зрелища впервые поцеловал ее. Это было так трепетно, так сладко! И навсегда ассоциировалось в ее сознании с грохотом и яркими всплесками разноцветных огней.

Тош был первой любовью в ее жизни. И единственной. Больше ей такого счастья не досталось. А с Тошем их безжалостно развела судьба. Так уж вышло. И горевать по этому поводу уже поздно. Все

слезы, какие только были, давно выплаканы, и приходится жить дальше, держать себя в ежовых рукавицах, чтобы хоть со стороны выглядеть достойно.

На работе ее считают сухарем, женщиной, которой неведомы простые человеческие чувства. Деловая, подтянутая, строгая, застегнутая на все пуговицы. Стерва, одним словом. И сблизиться с ней не сделала попытки ни одна из новых сотрудниц. А Лика тогда пришла на это место работы после очередной, третьей потери в жизни. И просто не могла говорить о своей ране, еще свежей, кровоточащей.

Вникать в ее обстоятельства никому из работающих рядом женщин и в голову не приходило. Тем более что она была начальницей. Маленькой, незначительной, но все же начальницей. Гораздо проще было с ходу признать ее сухарем и стервой.

Лика без возражений приняла эту роль, потому что на первых порах ее это вполне устраивало. А потом она просто привыкла и посчитала, что так, пожалуй, лучше всего. Плакаться кому-то в жилетку было не в ее характере. Единственная близкая подруга, с которой можно было поговорить по душам, давно укатила за рубеж. А эсэмэсками да имейлами много не расскажешь. Родных у нее не было давно. Родители погибли, когда она еще только пошла в школу. А воспитывающая ее тетка рада была избавиться от лишней обузы и не могла дожидаться, когда племянница повзрослеет и выскочит замуж.

А потому Анжелика Викторовна, строгая деловая женщина тридцати девяти лет, привыкла идти по жизни без всякой поддержки. Ей даже казалось, что так лучше. И не нужен ей никто рядом. И пусть. Только иногда, в такие вот минуты, когда в небо взлетают роскошные букеты огненных цветов, в душе просыпается тоска по чему-то большому и светлому, по окутывающему негой теплу, по любви, вкус которой не забылся несмотря на толстый слой обстоятельств, которым покрылся ее жизненный путь. Нет, не забылся и оставался в памяти таким же ярким, как и много лет назад.

2

Самые яркие, самые счастливые для Лики воспоминания были связаны с Тошем. Антон и Анжелика были для всех в школе — и учеников, и учителей — образцом красивой, верной любви, своего рода Ромео и Джульеттой нового времени без отягчающих шекспировских страстей. «Тош и Лика» — так называли их все в школе и были непоколебимо уверены, что эти двое непременно пойдут по жизни вместе и будут счастливы.

Но все получилось совсем не так, как думалось. Хотя и Тош, и Лика не сомневались в своем будущем и уже строили планы.

Вскоре после шумного и веселого выпускного вечера Антон получил официальный вызов на собеседование в некое учреждение, казавшееся таинственным и даже пугающим. У Лики эта безобидная на вид бумажка вызвала настоящий страх. Правда, и Антон побледнел, увидев ее.

— Ты ведь пойдешь туда, Тош, да? — спросила девушка, почувствовав, как ее губы почему-то стали непослушными.

В глазах любимого появилось новое для нее выражение — растерянность.

— Я должен, Лика, и, конечно, пойду, — ответил он глухим голосом.

В назначенный день Лика проводила любимого до таинственного учреждения, и они долго не могли расстаться, устроившись в скверике неподалеку, где отыскивали уединенную лавочку. Губы девушки распухли от поцелуев, глаза были полны слез.

— Мне почему-то очень страшно отпускать тебя туда, Тош, — жалобно проговорила она.

— Не нужно бояться, глупышка, — успокаивал ее юноша, — я только поговорю с ними и вернусь к тебе. Ты подожди меня.

— Конечно, Тош, я с места не сдвинусь, пока ты не вернешься.

Антон наконец встал и собрался уходить.

— Поцелуй меня еще раз, любимый. — Голос девушки дрожал и срывался.

Тош откликнулся с энтузиазмом, и они снова слились в поцелуе, который соединял не только губы, но и души.

Потом Лика проводила любимого тоскливым взглядом и принялась ждать. Ждала долго, до темноты. Но Антон так и не появился. Лика с надеждой ожидала хоть какой-нибудь весточки от него. Ведь не может же человек вот так, среди бела дня, исчезнуть насовсем. Оказалось, что может. Антон на ее глазах вошел в дверь этого таинственного учреждения и как в воду канул.

Ближе к концу лета девушка решила навестить к его родителям. Разве может быть такое, чтобы и они ничего не знали о сыне? Нельзя сказать, что отношения с семьей Антона у нее были теплыми. И отец, и мать юноши вообще были на удивление нелюдимыми, хотя всегда безупречно вежливыми. Но и здесь ее ожидало разочарование. Она узнала, что семья ее любимого спешно покинула город, сменив место жительства и не оставив нового адреса никому из знакомых и соседей.

Перед Ликой встала непробиваемая стена. Она ничего не могла узнать о человеке, которого любила больше всех на свете. Совсем ничего. Даже пыталась прорваться в то таинственное учреждение, но дальше проходной ее не пропустили. Оставалось только ждать.

Анжелика ждала. Три долгих года длилось это тягостное ожидание, но ничего не изменилось. От Антона по-прежнему не было ни слова. И она поняла, что ждать дальше бесполезно. Ее любовь уже никогда не вернется к ней. И надо как-то строить свою жизнь. Тем более что выросшая ее тетка уже не скрывала своего недовольствия: повзрослевшая племянница была откровенно лишней в ее доме.

3

С Николаем Лика встретилаь случайно. Он как-то помог ей донести до подъезда тяжеленную сумку, потом вроде бы случайно встретил ее пару раз на улице, а там и со знакомством подступил.

Это и неудивительно. Лика была очень милой девушкой. Красавицей ее было не назвать, но красота ведь вообще понятие очень сложное, довольно строгое и не всегда сочетается с человеческой привлекательностью. Но Лика, несомненно, выделялась из толпы и притягивала взгляд. В этой девушке была какая-то теплота, в лучах которой хотелось согреться.

В общем, Николай стал ухаживать за ней. Познакомился с теткой и произвел на нее самое благоприятное впечатление.

— Хороший парень, хозяйственный, — вынесла та свой вердикт. — И ты будешь последней душой, если упустишь его. И жилье у него есть.

Ликина тетка была очень практичной женщиной.

Спорить с теткой не приходилось. Николай действительно был приятным молодым мужчиной с покладистым характером. И жилье у него было, здесь же, по соседству. Не бог весть что, но все же. Правда, когда он впервые поцеловал Лику, соприкоснулись только губы. И это были чужие губы, не те, родные и теплые, к которым хотелось прижаться как можно крепче, ощутив полное слияние двух человеческих существ в одно. В первый момент девушка даже хотела отстраниться, но вовремя себя пересилила. Те губы, которые она так хорошо помнила, остались в прошлом, и возврата к ним нет.

Лика улыбнулась поклоннику и сказала ему что-то милое. Николай просиял. Он был непоколебимо уверен в своем мужском обаянии и пользовался им со знанием дела.

Вскоре Николай сделал Лике предложение. Сделал по всем правилам. Пришел в дом к тетке с букетом цветов, коробкой конфет и бутылкой шампанского и торжественно попросил у нее руки

племянницы. Тетка расплылась в довольной улыбке. Лика молчала. Но от нее и не требовалось никаких слов. Все решилось само собой.

Через два месяца для нее прозвучал марш Мендельсона — и началась новая семейная жизнь. Лика была девушкой хозяйственной. Как считала сама тетка, племянницу она воспитала правильно. Ведь что требуется от женщины? Она должна быть отличной хозяйкой, женой и матерью. Работа, если приходится работать, остается на втором плане. Ну а всякие там гулянки, кино и книжки — это от лукавого, это никому не нужно. Дом — вот главное для женщины. За всю свою жизнь тетка не прочла ни одной книги, за исключением учебников в школе, и считала, что это нормально. Известного выражения «Мой дом — моя крепость» она слыхом не слыхивала, но тем не менее истово исповедовала эту философию.

Николая такая жена устраивала вполне. Тихая, спокойная, бесконфликтная. В квартире всегда чисто, хорошо пахнет. На столе, когда бы он ни вернулся с работы, ожидает горячая вкусная еда, а в постели — теплое податливое женское тело. Не жизнь — лафа, думал он. А если захочется разнообразия, никто ведь и не возбраняет, лишь бы все было без шума.

Лика же жила как во сне. Новые для нее обязанности жены и хозяйки дома забирали много сил и времени. Но душа ее молчала. Она, казалось, впала в спячку, съежилась и даже как будто стала меньше в своем ожидании. Чего? Этого Лика и сама не знала, просто так чувствовала. Душа не откликалась не только тогда, когда муж целовал и ласкал ее, но даже в моменты слияния двух тел в одно. Сливались только губы и тела. Души Николая она не ощущала никогда и в его объятиях не воспаряла к небесам, как бывало раньше, когда ее обнимали руки Тоша. А ведь тогда были только поцелуи, не больше того. И теперь она лишь могла представлять себе, каким роскошным фейерверком ярких эмоций стала бы для нее близость с мужчиной, которого она любила больше жизни. Но не дано...

Однако предаваться подобным размышлениям Лике пришлось не слишком долго. Наступившая, как ей и положено, беременность перевела ее чувства и ощущения в новое русло. Будущий ребенок целиком завладел всеми ее помыслами, и душа, кажется, тоже ожила. Лика необыкновенно расцвела, глаза ее сияли, словно звезды. Николай только диву давался: ты смотри, что сделали с бабой его столь

приятные труды! Все-таки он отличный жеребец. И мужчина принялся искать новые объекты для удовлетворения своих мужских потребностей.

Ли́ка не возражала. Не так и нужен ей был сейчас муж с его страстью. Не до него теперь. И она оставляла без внимания чужие запахи на его теле, когда они ложились в общую супружескую постель. Их, кстати, она и раньше иногда отлавливала. Но не горевать же из-за этого.

Беременность протекала не совсем гладко, случалось и поволноваться. Но в целом все обошлось благополучно. И в положенный срок в молодой семье появился на свет мальчик. Его назвали Олежкой, и весь мир Ли́ки закрутился отныне вокруг него.

Когда молодая женщина в достаточной мере восстановилась после родов, интимные отношения с мужем возобновились. Однако в них ровным счетом ничего не изменилось. За исключением того, что наученная медиками Ли́ка стала защищать себя от новой беременности. Второй раз вынести это все ей было бы не под силу. И потом, Олежка ведь стал центром ее вселенной, так что все ее внимание доставалось ему, только ему, такому маленькому, тепленькому и родному. А Николай и не подумал отягощать себя заботами о безопасности жены. Подумаешь! Это бабское дело. Не захочет рожать — аборт сделает. А ему свобода в постели нужна, удовольствие по полной программе.

Шло время. Ребенок подрастал, декретный отпуск подходил к концу. Олежку устроили в детский садик, Ли́ка вышла на работу. Жизнь вошла в новую колею.

Николай особого внимания семейным делам не уделял. Он считал, что делает и так достаточно много, зарабатывая деньги на жизнь. Правда, и себя не забывал, поэтому на собственные нужды и развлечения деньги у него находились всегда. Но ведь и семья не бедствовала. А что еще требовать от мужчины?

В этих новых обстоятельствах Ли́ку приятно удивила, даже поразила тетка. Несмотря на обсевших ее родных внуков, она находила время прийти племяннице на помощь в особо трудную минуту, когда малыш болел или когда валилась с ног сама Ли́ка. Оказалось, что не таким уж черствым человеком была ее тетка. Просто жизнь, никогда ее не баловавшая, суровости научила.

Олежка готовился уже идти в школу, когда однажды вечером, в самом конце весны, Николай затеял с женой серьезный разговор.

— Ты знаешь, дорогуша, — начал он, — некоторые мои друзья уехали за рубеж и неплохо там устроились. Очень даже неплохо.

Он взглянул на жену. Она подняла на него глаза, в которых сквозило непривычное волнение.

— Но не собираешься же ты...

— Собираюсь, — перебил ее муж, — и очень скоро. Думаю, через пару недель уеду.

— Но мы совсем не готовы к такому переезду, — растерянно проговорила Лика.

— Вам и не нужно, — твердо поставил точку муж. — Я еду один.

— И надолго? — Женщина все еще не могла прийти в себя.

— Насовсем, милая моя. Насовсем.

Лика ошарашенно смотрела на него, не в силах взять в толк, что же это такое происходит.

— И еще одно, дорогая моя... — Его глаза невольно забегали, но мужчина все-таки закончил фразу: — Я должен быть для этой поездки холостым. Поэтому быстренько оформляем развод и разбегаемся.

Лика ахнула. Такого поворота событий она не ожидала.

— Но нас не разведут, у нас ребенок, — неуверенно произнесла женщина.

Николай снисходительно посмотрел на нее.

— Уже развели, дорогуша. — Слова падали, как каменные глыбы с горы. — Документ я вручу тебе на днях. — Он еще раз взглянул на бывшую жену и торопливо добавил: — Только не вздумай рыдать, я этого не терплю. И потом, я ведь оставляю тебе квартиру. И, может быть, денег смогу подбрасывать иногда.

Последние слова он произнес очень неуверенно.

Говорить больше было не о чем. Лика давно поняла, что Николай — человек изворотливый и далеко не простак. Он все хорошо продумал, тщательно подготовил, нашел необходимые лазейки. И вот теперь ловко выскальзывает из лона семьи, оставляя их с сыном одних.

Плакать она не стала. Но было нестерпимо обидно, что позволила вот так просто обвести себя вокруг пальца. Семейная жизнь, такая надежная поначалу, жестоко обманула ее.

В самом конце мая Николай уехал. Прощание было сухим, как будто два малознакомых человека, расходясь, пожелали друг другу всего хорошего.

У Лики начался новый период жизни.

Новая жизнь ударила по Лике первым делом безденежьем. Как многие замужние женщины, она работала больше для порядка — ради стажа и будущей пенсии. И не так важно, сколько платят, лишь бы поближе к дому и поменьше работы. Львиную долю дохода все равно приносит в дом муж. А теперь эта доля уплыла куда-то за рубеж, и Лика даже не знала толком куда. А хоть бы и знала, ничего уже изменить нельзя.

Оказалось, что ее мизерной зарплаты катастрофически не хватает на жизнь. Да, работа была не такой уж трудной, чтобы падать к вечеру с ног от усталости, но деньги... Где брать деньги? Попыталась найти кое-какую подработку, но и здесь вышла осечка — работа такая, что валит с ног, а денег — чуть. Бездна отчаяния разверзлась перед молодой женщиной, и она готова была уже рухнуть в нее.

Спас ее тогда Иван Гаврилович, их завхоз.

— Что-то ты совсем с лица спала, Анжелика Викторовна. Или случилось что, а? — поинтересовался он как-то вечером, в конце рабочего дня.

Этот пожилой, но достаточно крепкий мужчина не раз бросал на молодую сотрудницу заинтересованные взгляды. Но Лику взгляды не волновали. Сейчас же в глазах его она увидела сочувствие. И не удержалась.

— Случилось, Иван Гаврилович, еще летом случилось, — вздохнула горько.

На дворе уже стояла поздняя осень, холодная и дождливая.

И Лика все как на духу рассказала этому человеку, который проявил интерес и сочувствие к ее жизни.

— Скверно, — заключил он, выслушав ее исповедь, — очень скверно все у тебя вышло. Я слышал о таком. Теперь ты этого гада никак не достанешь. Ловко он тебя облапошил.

Мужчина подумал немного, посомневался, потом выложил то, что было у него на уме:

— Ты давно нравишься мне, Анжелика Викторовна. Как женщина нравишься. В общем, хочу я тебя, что уж скрывать.

Он замахал руками, поймав ее перепуганный взгляд.

— Нет-нет, я нормальный мужик, поверь, без всяких там извращений. Просто в возрасте уже. Но иногда и мне потряхнуть стариной хочется.

Он с сомнением посмотрел на молодую женщину, которая стояла перед ним красная как рак и не решалась поднять глаза от пола.

— Да не смущайся ты так, девочка, — проговорил он с усмешкой, — это жизнь, ее надо принимать такой, какая она есть. Глянь-ка на меня.

Лица несмело подняла глаза.

— Или я урод какой? Или чудище заморское? — спросил Иван Гаврилович.

Она только отрицательно помотала головой. Он не был ни уродом, ни чудищем. Обыкновенный мужчина, только пожилой.

— Так вот, если ты меня время от времени потешишь своим телом, я стану давать тебе каждый раз вот это.

Он поковырялся в своем бумажнике и вытащил из него крупную купюру.

Первым побуждением Лики было повернуться и бежать без оглядки от этого мужчины, желающего купить ее тело. Потом она представила себе голодные глаза Олежки и то, сколько всего она сможет купить на эти деньги для своего ребенка. И она осталась на месте.

— Это не купля-продажа, девочка, как на рынке, — проговорил все понявший, умудренный жизнью завхоз. — Это помощь. Только взаимная. Я тебе деньги, а ты мне радость. Только и всего. А?

Лица взглянула на него неуверенно, потом кивнула. Была не была! Ведь другого выхода все равно нет.

Он удовлетворенно улыбнулся, взял ее за руку и увлек за собой. Привел в довольно уютную подсобку. Здесь даже старая медицинская кушетка имелась, на металлических ножках.

Иван Гаврилович бросил на кушетку плотное одеяло, потом уложил на нее Лику, предварительно освободив от одежды. Погладил ее живот, бедра и прямо загорелся весь. Быстро скинул с себя штаны и

принялся за дело. И не опозорился, справился с задачей на «отлично», как подумала Лика.

— А я еще ничего мужик, да? — поинтересовался он на всякий случай.

Лика забыла про смущение начисто. Она давно уже не была с мужчиной, а тело своего просило.

— Да вы еще о-го-го, Иван Гаврилович, молодых за пояс заткнете, — улыбнулась Лика. — Я такого не ожидала, по правде говоря.

Мужчина расплылся в довольной улыбке. Ну кому же, скажите на милость, не будут в радость такие слова?

— Да, я еще могу погеройствовать, хоть и не часто, к сожалению. А вот моя старуха и думать об этом забыла.

И он протянул Лике обещанную купюру.

С тех пор один-два раза в месяц Лика встречалась с щедрым завхозом в маленькой подсобке и получала порцию мужской энергии, а в придачу к ней такую желанную купюру, которая позволяла ей покупать подрастающему Олежке более дорогие и питательные продукты и даже иногда радовать его подарками. А порой Иван Гаврилович просто подбрасывал Лике продуктовые наборы, которые тоже очень помогали ей.

Никаких разговоров о нежных чувствах между ними никогда не было, как и самих чувств. Была голая физиология, но она шла на пользу обоим.

Так Лика протянула года полтора, но все время не переставала искать новую работу. Однако нашел ее все тот же Иван Гаврилович. Он, видимо, понимал, что надолго его не хватит, а ударить лицом в грязь перед молодой женщиной, дарившей ему столько радости, не позволяла мужская гордость.

И как-то в марте, когда коллектив отмечал Международный женский день, завхоз снова уединился с Ликой в подсобке, ставшей уже привычной. В этот раз он был особенно настойчив в стремлении подарить женщине удовольствие. И преуспел.

Лика взглянула на него с удивлением — сегодня все было не так, как всегда.

— Это моя лебединая песня, девочка, — улыбнулся мужчина, но глаза оставались невеселыми, — и я буду помнить ее до конца своих дней. А у тебя впереди другой путь, лучший.

И он протянул Лике не одну, а две купюры и еще бумажку, на которой были написаны адрес и телефон.

— Твое новое место работы, Анжелика Викторовна, — сказал он, — хорошее, гораздо лучше, чем здесь. И денег больше, и возможность для карьерного роста есть. Завтра же можешь приступить, я обо всем договорился.

И он, пряча глаза, отвернулся и вышел. Лика даже «спасибо» сказать не успела, за что потом долго себя корила.

На другой день она пошла на новое место работы, где действительно оказалось намного лучше.

Ивана Гавриловича она больше не видела никогда, но вспоминала часто. С благодарностью в душе. Он, конечно, помог ей весьма своеобразным способом, но при этом она, странное дело, не чувствовала себя униженной. Он хорошо ей все это преподнес: встретились два человека, нуждающиеся каждый в своем, и дали один другому то, что надобно. И все. И никаких сантиментов. Он был честен с ней и не обещал больше того, что мог дать. И потом, он ведь ничем не нарушил покой своей семьи, а это в ее глазах дорогого стоило. Сколько историй наслушалась она, вращаясь в женской среде, о тех, кому «седина в бороду, а бес в ребро».

Вот и ее тетка, как она узнала от нее самой в минуту откровенности, пострадала в жизни от того же. Муж оставил ее с двумя детьми и племянницей на руках и ушел обновлять свою мужскую силу в постели молодой жены. Закончил жизнь на больничной койке, и закрыла ему глаза вовсе не молодая жена, а она сама. Так получилось. Не смогла она оставить мужа, с которым прожила много лет, один на один со смертью. Он повинился перед ней, прощения просил, уверял, что его «бес попутал». Это, конечно, ничего уже не изменило, но хоть память о нем не такой мрачной была.

«Это жизнь, — думала Лика, — простая человеческая жизнь со всеми ее красивыми и уродливыми проявлениями. Прав, тысячу раз прав был Иван Гаврилович. Слабости есть у каждого, ведь все живые люди, но выходить при этом из положения нужно все-таки достойно».

А потом Лике стало не до размышлений. На новой работе ей предъявляли более высокие требования. А вскоре она поняла, что если приложить усилия, то можно встать еще на одну ступеньку выше, потом еще. А каждая ступенька — это дополнительные деньги,

которые так нужны им с Олежкой. Сын растет, возрастают и расходы. И кормить ребенка надо хорошо, и одеть его так, чтобы не хуже других был. Ведь дети очень чувствительны к таким вещам. А ей не хотелось, чтобы ее сын, который и так без отца растет, чувствовал себя обделенным.

О себе вспоминала лишь по необходимости. Чем выше она поднималась в том маленьком царстве, куда пристроил ее Иван Гаврилович, тем строже нужно было соблюдать дресс-код. И постепенно Лика создала образ суровой деловой женщины — волосы в пучок, никакой яркой косметики, ничего броского. Строгий костюм, темный зимой и нейтральных цветов летом, застегнутый на все пуговицы. Вежливость, корректность — и ничего сверх того. Сотрудники не любили ее, хоть и уважали за деловые качества. А зачем ей их любовь? Она спряталась в этот надежный кокон и позволяла себе быть живой и настоящей только дома. Так спокойнее и меньше вероятность возникновения конфликтных ситуаций.

Иногда, особенно летом на отдыхе, ее женское естество напоминало о себе, порой очень настойчиво. И нестерпимо хотелось... нет, не любви, это в принципе вообще уже невозможно, но просто сильного мужского тела рядом. И время от времени она себе это позволяла, тщательно обеспечив безопасность. Важно было оградить себя не только от физических последствий, но и от случайных пробоев в сфере чувств.

Лика уже давно поняла, что не сможет полюбить никакого другого мужчину, каким бы распрекрасным он ни казался. Просто весь запас своих чувств она отдала одному-единственному, необходимому ей как воздух человеку еще на заре жизни. И для других мужчин не осталось уже ничего. А жить рядом с нелюбимым — нет, такого она больше для себя не хотела. Уж лучше оставаться одной. И потом, зачем ее сыну отчим? Чужой ребенок никогда не станет родным, думала она, отметая даже мысль о возможности повторного замужества.

Шли годы. Олежка подрастал и все больше становился похож на отца. Это совсем не радовало Лику. Хотя иногда она утешалась мыслью, что ее дорогой мальчик, если он действительно унаследовал некоторые таланты отца, никогда не пропадет в жизни. Правда, это утешение было приправлено немалой долей горечи.

— Ты смотри, Анжелика, а ведь наш мальчик растет копией отца, — заметила как-то тетка, заглянув к ней на огонек. — Как бы и он таким гадом, как твой бывший, не стал.

Тетка много лет горько раскаивалась в своем легковерии. Она позволила Николаю обмануть себя. Он казался ей таким приличным и приятным во всех отношениях мужчиной, а оказался... Ох, лучше и не вспоминать!

— Ну что ты, тетя, он ведь мой сын, — успокаивала ее Лика, — отца с малолетства не видел.

Тетка только недоверчиво качала головой. Она лучше племянницы знала жизнь и, исходя из собственного опыта, ничего хорошего от нее не ждала.

А еще через пару лет Олежка самым наглядным образом продемонстрировал Лике, чей он на самом деле сын.

Мальчик как раз заканчивал десятый класс и уже получил паспорт, что стало очень торжественным событием в их маленькой семье. И как-то вечером, после ужина, Лика заговорила о том, как им лучше всего провести лето, куда поехать отдохнуть.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ